

V A R I A

AGNIESZKA ŚCIBIOR

 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8093-5695>«ЧТО ЖЕ ОНА ТАКОЕ, ВАША НАРРАТОЛОГИЯ?»
РАЗГОВОР С ПРОФ. ВАЛЕРИЕМ ТЮПОЙ

Агнешка Съцибиор: Валерий Игоревич, первую половину своей научной биографии Вы посвятили эстетике литературы, вторую — нарратологии. Почему именно нарратология захватила круг Ваших научных интересов?

Валерий Тюпа: С одной стороны, я не покидал сферу эстетических категорий и эстетического анализа текстов. В наше время поворот «назад к эстетике» становится, на мой взгляд, все актуальнее. С другой стороны, тягу к нарратологии я испытывал изначально. Самая первая опубликованная моя статья называлась: *Структура повествования в «Даме с собачкой» Чехова*. В студенческие годы я испытал в равной степени сильное влияние не только Бахтина, но и Лотмана. Было увлечение семиотикой, особенно ее прагматическим аспектом. Во время нашей беседы в Тарту Лотман признал, что прагматика является наименее разработанной стороной семиотики. Это вдохновило на поиски, которые привели прямиком в нарратологию. Но в 70–80-е годы эстетика с ее сверхценностью целостности представлялась мне и ближайшим моим коллегам наиболее актуальной. С переездом из Кемерово в Новосибирск, где структурализм ценится очень высоко, я начал заниматься коммуникативной природой искусства и, в частности, нарратологией.

А.С.: Почему нужна нарратология?

В.Т.: Если бы нарратология оставалась только тем, чем она было вначале — поэтикой повествования, — то она была бы нужна не более, чем стиховедение или иная узкая литературо-

ведческая специализация. Однако в результате мощного «нарратологического поворота», случившегося почти одновременно в разных гуманитарных науках, она превратилась в междисциплинарную сферу изучения многообразных нарративных практик. Практик чего? — формирования, хранения и ретрансляции событийного опыта. А опыт — это основа нашего человеческого существования. Можно сказать, что личность есть индивидуально накопленный опыт жизни + способность к самоопределению в кругозоре этого опыта. В опыте нам даны, как заметил Поль Рикёр, только состояния, процессы и события. Два последних — это два способа перехода от одного состояния к другому. Весь наш опыт — или процессуальный (опыт того, что повторяется, как времена года), или событийный (опыт того, что случилось однажды), или рефлексивный (опыт наших размышлений над процессами и событиями). Так что нарратология исследует едва ли не важнейшую треть человеческого существования. Столь существенное углубление нарратологической проблематики я связываю с философскими усилиями Рикера. Однако при всем «взрывоподобном» расширении сферы нарратологических исследований нарратология художественных текстов по-прежнему остается ведущей силой, формирующей общенарратологическую методологию. Причина этого в том, что нарративная практика искусства слова является высшей, наиболее глубокой и качественной практикой рассказывания.

А.С.: Нельзя не заметить, что в настоящее время слово «нарратив» вошло в моду и активно употребляется, например, в сфере политики. Насколько нарратология универсальна? Какие ее области преданы забвению, а какие, наоборот, активно развиваются? Что наиболее перспективно?

В.Т.: Увы, мода на некоторые понятия — раздражающее, но неизбежное следствие крупных интеллектуальных поворотов и прорывов. Так было со структуралистским «текстоцентризмом». Когда договорились до того, что «всё есть текст», значимость этого чрезвычайно важного, но порой извращаемого научного понятия резко снизилась. То же самое грозит «нарративу» и «нарративности». Нарратология универсальна в рамках той трети человеческого опыта, о которой я только что говорил. Нельзя упускать из виду, что рядом с нарративами в человеческой культуре активно и необходимо функционируют перформативы, итеративы, медитативы. Они требуют к себе столь же

пристального внимания, сосредоточения на них аналогичных междисциплинарных областей познания. И тут научный опыт нарратологии мог бы оказать неоценимую услугу.

А.С.: Рикер в *Конфигурации в вымышленном рассказе*, то есть во втором томе *Времени и рассказа* ссылается на «уроки Бахтина, Женетта, Лотмана и Успенского»¹. Притом Женетт опирается на опыт своего французского предшественника Цветана Тодорова, который, кстати, получил образование в Болгарии, а значит оно практически советское. К тому же и *Нарратология* немецкого профессора Вольфа Шмида написана на русском и ориентирована на русского читателя. Конечно, может быть, я чрезмерно упрощаю и обобщаю, но складывается ощущение, что без русской теории литературы никак нельзя говорить о классической и пост-классической нарратологии. Вы согласны с этим мнением?

В.Т.: Совершенно согласен. И Вольф Шмид, обладая фундаментальными нарратологическими познаниями, в своей книге это очень убедительно показывает. При этом данный ареал можно расширить, по праву присоединив к русской, но не советской гуманитарной науке другие славянские — в особенности польскую и чешскую. Западные интеллектуалы в большинстве своем не владеют славянскими языками. Это ограничивает их научный горизонт. Я не хочу сказать, и никогда не скажу, что мы — «лучше», однако некоторая ущербность западной гуманитаристики для меня очевидна. Здесь теория выросла на многовековой почве средневековой схоластики и несет на себе ее родовое пятно. Это проявляется не только в схоластичности многих научных построений, но и напротив — в революционно безоглядной критической деконструктивности других. У нас в научной традиции нет ни того, ни другого. Зато у нас имеется историческая поэтика — как не эмпирическая, а теоретически рефлектируемая компаративистика. Она является для нас эвристическим источником многих научных импульсов. Она учит нас, что сущность любого гуманитарного феномена может быть раскрыта только исторически. И учит строить исторически обоснованные теории. Ей уже почти полтора столетия, но на Западе она практически не известна. Лет пять назад я принял участие

¹ П. Рикер, *Время и рассказ. Конфигурация в вымышленном рассказе*, т. 2, Университетская книга, Москва–Санкт-Петербург 2000, с. 159.

совместно с Дирком Кемпером в подготовке немецкоязычного коллективного труда, знакомящего германских филологов с «русской школой исторической поэтики». Ни на английском, ни на французском ничего подобно не существует. Для западной нарратологии, а отдельной российской собственно и не существует, — это оборачивается удручающей схоластичностью. Только очень немногие, как Вольф Шмид или Моника Флудерник понимают это и бьют тревогу. Я тоже постоянно выступаю за перспективность исторической нарратологии.

А.С.: Во многих своих работах например, *Очерк современной нарратологии, Место Бахтина в современной нарратологии* Вы ссылаетесь именно на бахтинские слова. Прочитую: «перед нами два события — событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте»². По Вашему мнению, бахтинская двоякая событийность нарратива — это, так сказать, главное условие нарративности?

В.Т.: Можно сказать и так. Хотя точнее: главное условие нарративности — событийность, то есть сингулярность, фрактальность и интенциональность того, о чем говорится. А само высказывание как взаимодействие двух сознаний всегда событийно. Нарративны те высказывания, которые отсылают нас к какой-то иной, репрезентируемой, референтной для них событийности.

А.С.: В современной русской теории литературы много говорится о пост-бахтинской школе. Здесь имеется в виду, конечно, кемеровская школа поэтики, а затем — кафедра теоретической и исторической поэтики РГГУ. Можно ли сказать, что мысль Бахтина — это своего рода отправная точка для Ваших нарратологических исследований?

В.Т.: Думаю, можно. Для меня главное у Бахтина — фундаментальное представление о том, что все существенное в человеческой жизни имеет место не в одиноком существовании одного субъекта, а между двумя или несколькими. Ключевое слово

² М.М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Художественная литература, Москва 1975, с. 403.

здесь: интерсубъективность, которую Юлия Кристева напрасно подменила интертекстуальностью. Классическая структуралистская нарратология в интерсубъективности не нуждалась. Для современной же нарратологии очевидно, что нарративность — интерсубъективна. Однако не могу не отдать дань еще и тартусскому структурализму, увлекавшему меня в студенческие годы. Рикёр, Вы только что цитировали, тоже писал об «уроках» Бахтина и Лотмана. Без усмотрения структуры повествования («конфигурации эпизодов», по Рикёру) разговор о наррации становится беспредметным.

А.С.: Не будет ошибкой сказать, что вклад Бахтина в современную нарратологию все еще недооценен?

В.Т.: Я бы выразился осторожнее: не всеми нарратологами оценивается по достоинству.

А.С.: На Ваш взгляд, концепции пост-бахтинской школы соответствуют самой современной русской литературе или они вытесняются новой теоретической мыслью?

В.Т.: Принципиально новой теоретической мысли бахтинского масштаба у современников я что-то не встречал. Имеются претензии на нечто подобное, например, в петербургском журнале «Транслит». Но на самом деле это кризисные явления. Транслитовцы требуют освободиться от влияния эстетики, жаждут дегуманизации литературы и науки о ней. Серьезные теоретические концепции вообще не подвластны моде, никогда не отмирают. Они продолжают жить в составе более эффективных теоретических построений. Постструктурализм не пришел на смену структурализму, как макси приходят на смену мини. Он вырос из структурализма. Нарратология Жерара Женетта была бы невозможна без «грамматики повествования» Цветана Тодорова и Ролана Барта.

А.С.: Насколько я понимаю, интерес к нарратологии в России невелик. Не кажется ли Вам, что русские, увлекшись постструктурализмом отвергают свое? Как вы оцениваете ситуацию?

В.Т.: Да, интерес к нарратологии у нас не стал массовым. Возможно, и слава Богу? А то вспышка увлечения моим любимым Бахтиным со временем привела к «бунтам» против бахтинского влияния. Мне по душе поэтический афоризм нашего Гаврилы Романовича Державина: «Умеренность есть лучший пир».

А.С.: По Вашему мнению, в сегодняшнее время есть отличие между российской и зарубежной гуманитарной наукой?

В.Т.: Принципиальных расхождений я не вижу. Но имеется разность акцентов. В российской гуманитарной науке, мне кажется, больше акцентирован историзм — исторический, а не схоластический подход ко всякой теоретической проблеме.

А.С.: Какова предыстория пособия *Введение в сравнительную нарратологию*, как возник этот замысел и на какого идеального читателя Вы ориентировались?

В.Т.: Предыстория этой книжки очень проста: она написана для студентов, задающихся вопросом, «что же она такое, ваша нарратология?». В частности, для участников моего многолетнего нарратологического семинара. Мой основной внутренний адресат — студенты и аспиранты. Без живого общения со студенческой аудиторией я, кажется, ничего бы не придумал и не написал. Долгие уже годы живу с глубоким чувством благодарности ко всем тем, кто становился моими учениками и побуждали меня объяснять. Объясняя, начинаешь понимать и сам.

А.С.: В этой книге появляется ряд категорий, привлеченных в основном из риторики. Чем риторика способна обогатить нарратологию? Какое соотношение нарратологии с риторикой?

В.Т.: Классическая античная риторика явилась начальной ступенью, первым наброском общей теории коммуникации — едва ли не важнейшего сектора современной гуманитарной науки. Нарратология — одно из ответвлений коммуникативистики, изучающее один из основных родов коммуникации: рассказывание. Поэтому риторика — естественная почва современной нарратологии.

А.С.: Какие, на Ваш взгляд, перспективы сравнительной нарратологии?

В.Т.: Мне кажется, очень хорошие. С одной стороны, нами накоплены капитальные ресурсы аналитического чтения, а с другой — богатый потенциал компаративистики.

А.С.: Построение исторической нарратологии — утопия или реальность? Каково Ваше мнение?

В.Т.: Надеюсь, не утопия. Замысел построения исторической поэтики, сформулированный Александром Николаевичем Веселовским в 1870 году, в наше время стал полновесной научной реальностью. Движение в направлении исторической нарратологии тоже уже началось. Сейчас Европейским нарратологическим сообществом (ENN) формируется коллективное издание: Handbook по «диахронической нарратологии». Это еще

«ЧТО ЖЕ ОНА ТАКОЕ...»

не полноценный историзм, но уже отход от недуга схоластики, чем нарратология долгое время страдала. Проект планируется завершить в 2020 году. В нем принимают активное участие семь или восемь российских нарратологов, в основном молодых, не таких, как я. Это реальная перспектива.

А.С.: И последний вопрос: какие Ваши любимые произведения российской и мировой литературы? Кого Вы цените из современных российских писателей?

В.Т.: Ох, не хочется составлять нудные списки. А если, почти не задумываясь, как говорится, «навскидку», то зрелые чеховские рассказы, поэзия Блока и *Доктор Живаго*. Если все же поразмыслить, то к названным прибавится русская классика: Пушкин, Гоголь, поразительный лермонтовский роман, *Обломов*, Достоевский и Толстой. Из немцев — Томас Манн, из французов — пьесы Сартра, из англичан — Фаулз, из американцев — Хемингуэй (юношеское увлечение, которое привело меня на филфак МГУ), из поляков, вероятно, Марек Хласко. В современной же русской литературе меня буквально покорила Евгений Водолазкин.

REFERENCES

П. Рикер, *Время и рассказ. Конфигурация в вымышленном рассказе*, т. 2, Университетская книга, Москва-Санкт-Петербург 2000, с. 159.

М.М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Художественная литература, Москва 1975, с. 403.

Agnieszka Ścibior

„WHAT IS IT, YOUR NARRATOLOGY?” INTERVIEW WITH VALERY TYUPA

Summary

Valery Igorevich Tyupa (born in 1945) — one of the most outstanding Russian literary theorists and the most important narrative theorists in the world, author of over three hundred and ninety scientific publications in the field of literary theory, communication theory and discourse analysis, comparative studies, narratology, aesthetics, rhetoric, professor at the Russian State University of Humanities in Moscow (RGGU). In Tyupa's scientific interests, two main problem areas are clearly outlined. The first concerns the aesthetics of literature, the second — narratology. The interview with the researcher was devoted to the latter. Tyupa explains what contemporary narratology is and why it is needed; he talks, among others, about

the relationships between narratology and rhetoric, about the prospects for the development of comparative narratology, and about the project of creating historical narratology.

Agnieszka Ścibior

„CO TO TAKIEGO JEST TA PANA NARRATOLOGIA?”
ROZMOWA Z WALERIJEM TIUPĄ

Streszczenie

Walerij Igoriewicz Tiupa (ur. 1945 r.) – jeden z najwybitniejszych rosyjskich teoretyków literatury i najważniejszych teoretyków narracji na świecie, autor niemal czterystu publikacji naukowych z zakresu teorii literatury, teorii komunikacji i analizy dyskursu, komparatystyki, narratologii, estetyki, retoryki, profesor Rosyjskiego Państwowego Uniwersytetu Humanistycznego w Moskwie (RGGU). W zainteresowaniach naukowych Tiupy wyraźnie zarysowują się dwa główne obszary problemowe. Pierwszy z nich dotyczy estetyki literatury, drugi – narratologii. Wywiad z badaczem został poświęcony właśnie temu ostatniemu. Tiupa wyjaśnia, czym jest współczesna narratologia i dlaczego jest potrzebna; mówi między innymi o związkach narratologii z retoryką, o perspektywach rozwoju narratologii porównawczej, o projekcie stworzenia narratologii historycznej.